

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2).632

Д.А. КОЛОСОВСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х — НАЧАЛЕ 1960-х ГОДОВ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Анализируются ситуация с экономическими преступлениями в Иркутской области во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. и состояние борьбы с ними. Автором сделаны выводы о причинах роста экономической преступности, о неудовлетворительном состоянии борьбы с ней в рассматриваемый период.

Ключевые слова: экономические преступления, борьба с преступностью, история Иркутской области.

D.A. KOLOSOVSKIY

ECONOMIC CRIMES IN THE SECOND HALF OF 1950s — BEGINNING OF 1960s IN IRKUTSK REGION

The author analyzes the situation with economic crimes in Irkutsk region in the second half of 1950s — beginning of 1960s and the state of fight against them. The author concludes of the causes of economic crimes increasing, of unsatisfactory state of fight against them in period under review.

Keywords: economic crimes, combating crime, history of Irkutsk region.

В настоящее время общепринятого уголовно-правового понятия «экономическая преступность», а следовательно, и «экономические преступления», не существует, несмотря на его использование в научном обороте.

Экономическую преступность чаще всего рассматривают в трех аспектах:

- как преступления, посягающие на экономику, права, свободы, потребности участников экономических отношений в широком смысле и нарушающие нормальное функционирование экономического механизма;
- как преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности;
- как преступления в сфере экономической деятельности [9].

На взгляд В.В. Хилюты, отсутствие единого представления о понятии экономических преступлений (хозяйственных преступлений, преступлений в сфере экономической деятельности, преступлений против порядка осуществления экономической деятельности) в науке уголовного права имеет объективное объяснение. Уголовное законодательство в этой области всегда подвергалось значительно большим изменениям, чем любые другие его нормы. Многочисленные изменения были обу-

словлены быстрым реагированием уголовного закона на изменения экономической политики государства, которая на протяжении многих лет отличалась нестабильностью [9].

В действующем в настоящее время Уголовном кодексе РФ законодатель выделил экономические преступления в раздел VIII («Преступления в сфере экономики»), который содержит главы: «Преступления против собственности», «Преступления в сфере экономической деятельности» и «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» [9]. При этом преступления против собственности не дифференцируются в зависимости от формы собственности, на которую осуществляется преступное посягательство. В уголовном же законодательстве СССР послевоенного времени законодатель разделял экономические преступления в зависимости от формы собственности на имущество, на которое посягал преступник.

Так, например, 4 июня 1947 г. Президиумом Верховного Совета СССР было принято два указа: «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» [4; 5]. При этом наказания за преступления против собственности социалистической были более суровыми, чем за аналогичные против личной.

Опираясь на ленинские идеи об охране социалистической собственности и развивая их, Советское государство в конце 1950-х — начале 1960-х гг. осуществило ряд мер по повышению эффективности борьбы с хищениями государственного и общественного имущества. В 1959–1961 гг. во всех союзных республиках были приняты новые уголовные кодексы. В них более четко, чем раньше, давалось определение форм хищения государственного или общественного имущества, а меры наказания устанавливались дифференцированно, в зависимости от размера похищенного, способа совершения преступления и личности виновного [6, с. 230].

27 октября 1960 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР [8], который не содержал отдельного раздела для экономических преступлений. Однако, на наш взгляд, к таковым можно отнести преступления, предусмотренные главами: «Преступления против социалистической собственности» (содержащим различные виды хищений государственного или общественного имущества и иные корыстные посягательства на социалистическую собственность), «Преступления против личной собственности граждан» и «Хозяйственные преступления». В нем, как и в более раннем законодательстве, преступления против социалистической собственности наказывались более сурово, чем против личной.

Принятие новых уголовных кодексов способствовало утверждению в практике борьбы с хищениями социалистической собственности начал

законности и справедливости, укреплению доверия и более тесной связи между органами милиции и широкими слоями населения [6, с. 230].

В свою очередь, принятые в 1959–1962 гг. во всех союзных республиках уголовно-процессуальные кодексы требовали, чтобы при расследовании уголовных дел вскрывались причины и условия, способствовавшие совершению преступлений, и принимались меры к их устранению. Данное требование внесло существенные коррективы в направления деятельности милиции, прокуратуры и суда по борьбе с хищениями социалистической собственности. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. «Об усилении деятельности судов по предупреждению хищений государственного и общественного имущества» подчеркивалась необходимость создания «обстановки неотвратимости наказания за преступление, всеобщей нетерпимости не только к самим расхитителям, но и к тем лицам, которые своим бездействием или безразличным отношением к сохранности народного добра объективно создают условия, способствующие совершению этих преступлений, попустительствуют преступникам».

В декабре 1965 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка», в котором указывалось на необходимость строгого соблюдения процессуальных норм и социалистической законности при возбуждении и расследовании уголовных дел. Постановление ориентировало суды, органы прокуратуры, следствия и милиции на то, чтобы при расследовании преступлений выявлялись и устранялись причины, их порождающие. Это означало, что милиция и другие правоохранительные органы должны больше уделять внимания закрытию каналов хищений государственного и общественного имущества, предупреждению таких опасных преступлений.

Все более очевидной становилась необходимость коренного совершенствования деятельности милиции по обеспечению сохранности социалистического имущества, в выработке принципиально нового подхода к решению задач охраны экономической основы Советского государства [6, с. 230–231].

Проследить необходимость таких изменений можно и по ситуации с экономическими преступлениями, сложившейся в середине 1950-х — начале 1960-х гг. в Иркутской области.

Следует отметить, что партийные органы в то время постоянно отслеживали состояние преступности и принимали в пределах своих полномочий возможные меры по улучшению борьбы с ней, в том числе по совершенствованию работы правоохранительных органов. Так, на заседаниях бюро Иркутского обкома КПСС не раз рассматривались вопросы, связанные с состоянием в области борьбы с экономическими преступлениями.

В частности, на одном из таких заседаний в июле 1957 г. отмечалось, что постановление ЦК КПСС от 8 сентября 1955 г. «Об усилении борьбы с растратами и хищениями» в системе потребкооперации выполнялось совершенно неудовлетворительно. В 1956 г. было выявлено растрат, хищений на 9606 тыс. рублей, в том числе крупных растрат на 4752 тыс. р. Остаток невозмещенного ущерба за последние 5 лет увеличился в два раза, и на 1 июня 1957 г. составлял 11578 тыс. р. Ежегодно увеличивались списания растрат и недостач в убытки — только за 1955 и 1956 гг. в убыток было списано невзысканных растрат и недостач на 5340 тыс. р. Растратами и хищениями кооперативной собственности были поражены все райпотребсоюзы и большинство сельпо.

По мнению обкома, такое неблагоприятное положение в системе потребительской кооперации было обусловлено следующими причинами:

– правление облпотребсоюза не сделало для себя серьезных выводов из постановления ЦК КПСС от 8 сентября 1955 г. и формально отнеслось к выполнению постановления бюро ОК КПСС от 4 ноября 1955 г. «Об усилении борьбы с растратами и хищениями»;

– правление облпотребсоюза по-прежнему терпимо относилось к фактам растаскивания кооперативной собственности, проявляло либерализм к ворами и расхитителям государственного добра и не предъявляло жестких требований к руководителям райпотребсоюзов, сельпо и собственному аппарату; среди некоторой части руководящих работников системы потребсоюза имели место факты грубого нарушения государственной и служебной дисциплины, что создавало обстановку безответственности, нарушения правил советской торговли и безнаказанного растратничества кооперативного имущества;

– правление облпотребсоюза не выполнило указание бюро обкома КПСС об укреплении системы руководящими кадрами. Так, из 33 председателей райпотребсоюзов 12 имели низшее образование и нигде не учились; Облпотребсоюз продолжал порочную практику посылки на руководящие должности лиц, не обеспечивающих руководства и скомпрометировавших себя на прежней работе; к материальным ценностям допускались случайные, не проверенные люди или лица, имевшие ранее судимость за растраты и злоупотребления;

– в большинстве райпотребсоюзов и сельпо учет материальных ценностей находился в запущенном состоянии; контрольно-ревизионная работа была поставлена плохо, план проведения ревизий и инвентаризаций систематически не выполнялся, а качество проводимых ревизий было низким;

– в некоторых райсоюзах и сельпо имели место многочисленные случаи, когда не только дела о растратах длительное время не передавались в следственные органы, но и укрывались расхитители государственной собственности. К примеру, в Нукутском райпотребсоюзе из 80 случаев

растрат, выявленных в 1956 г., были переданы в прокуратуру материалы только по 16 случаям, в Кутуликском сельпо — по 3 случаям из 87;

– судебно-следственные органы области при расследовании и рассмотрении в судах дел о растратах и хищениях допускали волокиту, не принимали решительных мер к реальному возмещению причиненного ущерба, а в отдельных случаях расхитителям социалистической собственности выносили мягкие приговоры;

– Окружком, многие райкомы КПСС, Окрисполком, райисполкомы не осуществляли должного контроля за деятельностью предприятий потребкооперации, не заслушивали отчеты руководителей, недостаточно вели воспитательную работу среди работников торговли, плохо занимались подбором и расстановкой кадров [1, оп. 50, д. 72, л. 50–51].

На заседании в июне 1958 г. бюро обкома КПСС отмечало, что факты указанные в постановлении бюро ЦК КПСС по РСФСР «Об усилении борьбы с растратами и хищениями в торгующих организациях», полностью относились к торгующим организациям нашей области. Так, несмотря на то, что обком партии неоднократно обращал внимание руководителей торгующих организаций о необходимости всемерного усиления борьбы с растратами и хищениями, последние не принимали всех зависящих от них мер к выполнению указаний бюро обкома КПСС по этому вопросу. Областное управление торговли, облпотребсоюз не навели должного порядка в деле сохранности государственных и кооперативных средств, не наладили учета материальных ценностей и контрольно-ревизионной работы. Руководители ряда торгующих организаций допускали факты преступно-халатного отношения к подбору материально-ответственных работников, вследствие чего в торговлю проникали жулики в проходимцы.

Бюро обкома обращало внимание на то, что особенно плохо обстояли дела с сохранностью товароматериальных ценностей и денежных средств в торговых организациях УРС»а совнархоза и Братской ГЭС. В 1957 г. по системе УРС»а совнархоза растраты и хищения составили 4195 тыс. р. или почти на 1 миллион больше против 1956 г. 970 тыс. государственных средств было расхищено в 1957 г. в УРСе Братской ГЭС. Несмотря на небольшой объем товарооборота по системе УРС»а управления ВСЖД, растраты в этой организации в 1957 г. составили 658 тыс. р.

Также отмечалось, что органы милиции, прокуратуры и суда все еще не обеспечивают полной раскрываемости хищений, не принимают всех мер к розыску скрывшихся преступников, допускают волокиту в расследовании и рассмотрении дел, и не принимают должных мер к возмещению ущерба, причиняемого растратами и хищениями. А Окружком, многие райкомы и горкомы партии, окрайисполком и горрайисполкомы слабо осуществляют контроль за подбором и расстановкой торговых кадров, особенно председателей сельпо, начальников ОРСов и заведующих магазинами. Они мало уделяют внимания делу воспитания работников торговли и не поднимают

широкую общественность на борьбу за сохранность социалистической собственности в торговых организациях [1, оп. 56, д. 31, л. 15–16].

В апреле 1958 г. инструктор отдела административных и торгово-финансовых органов обкома КПСС сообщал, что серьезные недостатки были вскрыты в следственной работе органов прокуратуры и милиции. По многим делам допускалась волокита, низкое качество следствия, в результате чего в ряде случаев опасные преступники своевременно не разоблачались, а иногда и совсем уходили от ответственности. В частности, в 1957 г. органами прокуратуры и милиции в нарушение срока следствия было закончено 711 дел, из которых часть дел расследовалась в срок от 4-х и более месяцев.

Отмечалось, что особенно плохо расследовались дела о крупных хищениях. Так, в прокуратуру г. Братска 4 апреля 1957 г. поступил материал о растрате начальником техснаба Н. Ийского леспромхоза денег в сумме 21713 р. Материал более 2 месяцев лежал без движения у горпрокура. Потом он передал его своему помощнику, у которого он пролежал до 15 августа и был передан П., который также по материалу ничего не сделал, так как растратчик скрылся. Мер к его задержанию не принято.

А прокуратура Ленинского района города Иркутска и старший следователь облпрокуратуры более 9 месяцев расследовали дело о растрате гр. Ш. 125 тысяч государственных средств [1, оп. 56, д. 26, л. 88–89].

В июне 1959 г. при рассмотрении отчета о работе управления внутренних дел области обращалось внимание, что уголовная преступность и, прежде всего, особо опасные преступления не сокращались, а увеличивались, при этом раскрываемость их оставалась низкой. Так, в 1958 г., по сравнению с 1956 г., число преступлений возросло на 1225 случаев. Велика была сумма растрат и хищений социалистической собственности, особенно в торговых организациях. Отмечалось, что особенно плохо работали уголовный розыск и ОБХСС, однако мер со стороны руководства управления к улучшению деятельности этих аппаратов принималось очень мало [1, оп. 56, д. 76, л. 27].

А в сентябре 1960 г. в протоколе заседания бюро обкома было указано, что особенно неудовлетворительно проводится борьба с хищениями социалистической собственности. За полугодие количество хищений социалистической собственности увеличилось более чем на 75 случаев. Количество не раскрытых крупных хищений из года в год росло [1, оп. 6, д. 34, л. 12–13].

Хотелось бы обратить внимание на некоторые факты совершения сотрудниками органов внутренних дел Иркутской области правонарушений, дающих определенное представление об уровне жизни населения в то время.

Так, например, старший оперуполномоченный линейного отдела милиции г. Зима С. выпрашивал у руководителей торговых организаций

зерноотходы для откорма собственной свиньи, чем скомпрометировал себя [1, оп. 56, д. 66, л. 78].

Зам. начальника 420 лагерного пункта по политико-воспитательной работе среди заключенных Озерного ИТЛ МВД Н. в октябре 1958 г. с группой заключенных был направлен в колхоз «Коммунар» Братского района на копку картофеля для 4-го лаготделения. Н. разрешил гражданам Т. и Ч. взять автомашину лаготделения, на которой они увезли 42 мешка похищенного картофеля. Кроме того, Н. в июле 1958 г. продал заключенному С. свои личные вещи: баян и костюм [1, оп. 56, д. 70, л. 73–74].

Надзиратель тюрьмы в г. Киренске А. 20 февраля 1958 г. самовольно оставил работу, после чего 5 месяцев работал рабочим в Киренском райпромкомбинате, откуда был уволен за отказ от работы. При выезде на место установлено, что у А. в 1958 г. были тяжелые квартирные условия, семья состоит из 6 человек: 4 малолетних детей, жена больная — инвалид второй группы, проживал с семьей в землянке и вынужден был оставить работу и строить себе дом [1, оп. 56, д. 80, л. 94–95].

В целом, в СССР в середине 1950-х гг. криминогенная обстановка характеризовалась тенденцией к росту уголовной преступности, увеличению числа особо опасных преступлений [2, с. 129]. В Постановлении Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 25 октября 1956 г. № 1443-719 «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР» отмечалось, что органы внутренних дел еще не приняли всех необходимых мер к повышению качества своей работы и неудовлетворительно выполняют основную функцию — обеспечение охраны общественного порядка, слабо ведут борьбу с преступниками и другими злостными нарушителями законности, не обеспечивают надежной охраны жизни граждан и их имущества от посягательств со стороны уголовных элементов, в то время, как в ряде городов и населенных пунктов страны имеет место рост преступности. Оперативная работа по предупреждению и раскрытию преступлений поставлена плохо. До тридцати процентов таких опасных преступлений, как убийства, разбойные нападения, кражи государственного, общественного и личного имущества, остаются нераскрытыми, а преступники — ненаказанными [3].

Как отмечает в своей диссертации Е.М. Ковалева, исследуя причины роста уровня преступности в СССР в период с 1954 по 1958 г. сталкиваешься с тем, что в литературе этот феномен (именно с середины 1950-х гг. повышается уровень жизни населения, укореняется вера в благополучие завтрашнего дня и т.п.) не объясняется, но представляется возможным предположить, что он мог быть обусловлен политическим фактором. Частые реорганизации и бесконечные смены кадров, мобилизации партийцев в органы милиции ослабляли профессиональный уровень, что соответственно ослабляло борьбу с преступностью [2, с. 131]. Не оспаривая данного вывода (действительно, все эти фак-

торы наверняка оказали воздействие на уровень преступности), тем не менее представляется, что еще одной причиной роста уровня преступности в тот период был уровень жизни населения, который хотя и повысился по сравнению с послевоенными годами, но по-прежнему оставался у значительного количества населения довольно низким.

Таким образом, по ряду организационных (частые реорганизации органов внутренних дел, сокращения численности и текучка кадров в них) и экономических (низкий уровень жизни как населения вообще, так и сотрудников органов внутренних дел, в частности) причин экономической преступность в рассматриваемый период росла, а состояние борьбы с ней оставляло желать лучшего, как в целом по стране, так и в Иркутской области в частности.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. — Ф. 127.
2. Ковалева Е. М. Организационно-правовые основы деятельности Советской милиции по борьбе с преступностью в послевоенный период восстановления народного хозяйства и либерализации политического режима, социально-экономических реформ (1945–1960 гг.): дис. ... канд. юрид. наук / Е. М. Ковалева. — М., 2002. — 156 с.
3. О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1443-719 от 25 октября 1956 г. // Партийная жизнь. — 1957. — № 4. — С. 64–65.
4. Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1947. — № 19.
5. Об усилении охраны личной собственности граждан // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1947. — № 19.
6. Советская милиция: история и современность (1917–1987). — М.: Юрид. лит., 1987. — 336 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
8. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1960. — № 40. — Ст. 591.
9. Хилjuta В. В. Онтология экономической преступности: от определения к выявлению существенных признаков / В. В. Хилjuta // Lex russica. — 2013. — № 5. — С. 528–541.

Информация об авторе

Колосовский Дмитрий Александрович — старший преподаватель, кафедра теории и истории права и государства, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23-а, e-mail: d.kolosovskiy@gmail.com.

Author

Kolosovskiy Dmitriy Alexandrovich — Senior Teacher, Chair of Theory and History of Law and State, East Siberian Branch of Russian State University of Justice, 23a, Ivana Franco Str., 664074, Irkutsk, e-mail: d.kolosovskiy@gmail.com.